

ВАДИМ ЕГОРОВ НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ МАМОНТОМ

— “Друзья уходят — кто же остается?” Вот и минувший год унес жизни близких вам людей. Воспоминания о нем, наверное, не самые приятные?

— Тот, кто хотя бы раз в жизни терял товарищей, знает, как это тяжело. В свое время, когда уходил Юра Визбор, близкие и друзья знали о неизбежности его ухода, но все равно смерть стала настоящим потрясением. В 1994-м погиб Женя Клячкин. Узнав об этом, в первый момент я подумал — ерунда, “утка”. Оказалось, правда. Судьба распорядилась так, что прах Жени покойся в израильской земле, а голос его живет в России. На чужбине он был одним из многих.

Нас учили, что Родину покидать нельзя. Не верьте — ее можно менять, и не раз. Примеров тому множество: американец Чаплин — в Женеве, немец Эйнштейн — в Нью-Йорке, Хемингуэй — на Кубе. Другое дело, как это пережить поэту, чьи стихи понятны только здесь. Клячкин попал за колючую проволоку узкого круга соотечественников. Он радовался любой возможности вновь увидеть свою страну, а во время нашей последней встречи в мае прошлого года сказал: “Что касается отъезда — баловство это было”.

— Уходят не только люди, но и целые эпохи. Вы родом из 60-х — десятилетия надежд, поисков, романтики. Быть может, нашему бурному времени не хватает детской наивности, свойственной тому времени?

— Было бы нелепо, если бы наше время впитало черты прошлого. Сегодня каждый год живет по своим законам, тем более что мы умудрились оказаться на переломе эпох. Я, например, помню похороны Сталина, большая часть жизни пришлось на хрущевскую “оттепель” и “застой” Брежнева. Наконец, сейчас вместе со

“Друзья уходят как-то незначай”. Эта песня, написанная более двадцати лет назад, стала своеобразным гимном эпохи шестидесятников. Ее пели повсюду, где только появлялась гитара, однако автора не знал практически никто. Им был **Вадим ЕГОРОВ**, тогда, наверное, просто **Вадик**. Как правило, он выходил на сцену в сером пиджаке и таком же свитере — в общем, по его словам, серенькая личность. Правда, стихи его наполнены всеми цветами поэтической радуги. С тех пор Егоров написал много песен, но та все же остается его визитной карточкой.

всеми окунулся в океан рыночных отношений. Слава Богу, что мы вышли на эту столбовую дорожку. Правда, капитализм у нас принимает чудовищные формы и путь, по которому Запад шел веками, мы стремимся освоить за несколько лет. В результате появилось поколение людей, у которых нет совести, ради выгоды они могут убить мать. Как сказал Рабиндранат Тагор, “человек хуже зверя, когда он зверь”.

Однако поэзия, авторская песня существуют, а значит, не все потеряно. Бардов много, и все они не похожи друг на друга: Окуджава и Ким, Галич и Вероника Долина, Высоцкий и Михаил Шербаков, из более молодых — Елена Казанцева и Ольга Качанова. Каждым из них я по-своему восхищаюсь.

— Десятилетиями ваши песни и стихи распространялись в самиздате, переходили с пленки на пленку. Теперь, навер-

— Вы пишете стихи уже 30

лет, однако в Союз писателей вступили совсем недавно. И вот возникает вопрос: а зачем вам это нужно?

— Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Красная книжечка союза давала многие преимущества, а главное — в “те” времена свободно публиковаться могли лишь ее обладатели. Правда, сейчас такой проблемы нет. Но все равно было бы глупо отказываться, тем более рекомендации давали такие прекрасные поэты, как Александр Городницкий и Борис Чичибабин. Первые результаты моего “сотрудничества” с союзом уже налицо: только что провел два месяца в Доме творчества в Переделкине.

Знаете, там очень хорошо пишется, ибо больше делать нечего. Скука, тоска, ты сидишь в четырех стенах, и у тебя есть только карандаш и бумага.

— Почему вы почти не пишете веселых песен?

— Конечно, я лирик и счастлив, что пишу о таких “пустяках”, как вера, надежда, любовь. Наверное, это главное, что есть в человеке. Правда, порой возникает потребность посмеяться. Моя первая шуточная песня — “Новая гипотеза о происхождении Тунгусского метеорита” — увидела свет так давно, что, кажется, ее не было вовсе. Затем появились “Монолог сына” и “Монолог дочери”, любимые детьми и их родителями. Кроме того, на заре перестройки, когда душа рвалась откликнуться на происходящее вокруг, я написал несколько песен на злобу дня. Они пользовались успехом, но их время ушло. А сейчас шутить как-то не хочется: жизнь не располагает к улыбке. Надеюсь, это не навсегда.

— Однажды вы посетовали: “Ах, кабы мне не быть Егоровым, я, может, кем-нибудь и был бы”. Кем?

— Ах, если бы... Прежде чем начать писать стихи, я учился в музыкальной школе, пробовал себя в журналистике, увлекался театром. Но актер должен быть великим, и, к счастью, я вовремя это понял. Иначе оказался бы самым несчастным человеком на свете.

— Похоже, ваш выбор в пользу поэзии и гитары оказался верным. У вас много концертов — явление довольно редкое в современной авторской песне. Что вы “считыва-

ете” с глаз своих зрителей?

— В зале темно, но я все равно чувствую их взгляды, получаю записки, в которых не только просьбы спеть ту или иную песню, но и серьезные размышления о жизни. Кроме того, очень интересно видеть лица людей на видеопленке — задумчивые, умиленные, веселые... Естественно, солгать им невозможно. Наверное, я счастливый человек, потому что Бог дал мне в руки перо. В стихах выражаю свою боль, не пытаюсь преувеличить или уменьшить ее.

— А никогда не возникало желания уйти, освободить дорожку более молодым?

— По-моему, я эту дорожку никому не перегораживал. Сцена для меня — своеобразный рупор, от которого отказываться не хочу и не буду. Порой только и жду встречи со зрителем, чтобы спеть и прочитать о чем-то своем, сокровенном, почувствовать: это дорого не только мне, но и тем, кто меня слушает. Правда, я пришел к выводу, что могу вообще ничего не сочинять, но приглашать на концерты меня будут еще много лет хотя бы для того, чтобы послушать “Облака”, “Патриаршие пруды”, “Друзья уходят” или “Дожди”. Приятно, конечно, но все-таки не хочется ощущать себя классиком, таким мамонтом, на которого смотрят из любопытства. Поэтом я буду писать — это уже часть моей жизни. Мне нужно, как поется в песне, “чтобы музыка была”.

Интервью взял
Дмитрий ЗЛОДОРОВ.
Фото Юрия ЛУКИНА.